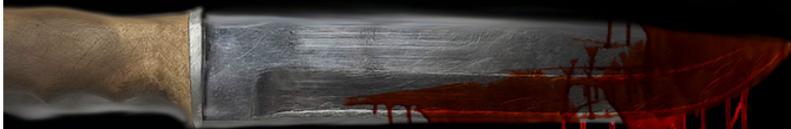

КАНКАН

ВИКТОР РЯБНИН

Виктор Рябинин

Канкан

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21538957
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Местами смешная повесть детективного жанра. Действие разворачивается где-то в глубине России времён весёлых ярмарок и зажигательного канкана. В разгар гуляний в номерах съезжего дома происходит нелепое убийство. Следствие ведут не только местные сыщики, высшие полицейские чины столицы, но и знаменитый американский детектив Нат Пинкертон. К концу повествования криминальный клубок будет распутан, и читатель, вволю повеселившись над треволнениями героев, с сожалением закроет книгу, так и не встретив на её страницах Шерлока Холмса.

Содержание

1

Конец ознакомительного фрагмента.

4

13

Виктор Рябинин

Канкан

1

По осени, убрав в закрома хлебные злаки и лён-долгунец, Тарас Опоначович Пидстуло, хозяин пахотных земель под спорые озимые и владелец заливных лугов с тучными стадами, выбирался на ярмарку к иноверцам в уездный город Ссыквтыктвар. Наезжал он на гулянья налегке без семейных уз и бабьего хомута, чтоб натешиться вольницей среди съезжего народа и себя показать во всей красе. Хозяйство оставлял на верную супругу Ольгерду Брониславовну, женщину надёжную, из старорежимных чухонок, батюшка которой и вовсе был выходцем из курляндских самоедов первого причастия. А посеуму и Ольгуша была нрава сурового, со времён девичества никого близко к себе не подпускала, кроме разве что законного мужа, да и то по праздникам в разговенье. Поэтому хозяин поместья был спокоен за семейный устав и чистоту собственного приплода, несмотря на частые отлучки по случаю собраний мелкопоместного уездного дворянства или прилюдных выступлений дамского варьете в кафешантанах ярмарочного балагана. Любил, грешным делом, Тарас Опоначович самолично лицезреть канкан парижского разли-

ва и, любуясь голыми лытками шансоньеток, не раз говаривал за штофом мадеры под солёный огурец:

– Хороша Глаша да не наша, – и разгладив бороду на две стороны, добавлял: – Зато Матрёну сразу трону.

Однако же, опрокинув второй кувшинец тёмного эдинбургского, Тарас Опонасович всегда приходил в игривое расположение духа и уводил в номера первую, подвернувшуюся под руку подавальщицу. И имел на это полное право как работающий кормилец семейства и благодетель поместного работного люда. Тем более, что Ольгерда Брониславовна не признавала праздных игрищ и забав, а сходилась с богоданным муженьком лишь за-ради продолжения фамилии и то из-под палки. Не любила она зряшной людской потехи с глазу на глаз и на голое тело. И хоть родовое имя застолбить не удалось, всё же пришлось Ольгуше благополучно разрешиться от бремени. Целых два раза за один приём и всё девками. Одну по святцам нарекли Апраксией, другой подобрали более подходящее имя Русеяна. Дочки удались справные как колобки, без изъяна в головах и нравом вроде как в отца – певуны и хохотуны ни с чего. Девушки о сию пору были на выданье, с богатым приданым и полным курсом церковно-приходской школы. Бойко и местами наизусть читали псалтырь, попевали бегом обмерить десятину под зябь и ставили роспись не крестом, а вензелем. Отец не мог нарадоваться на кровинушек и многое спускал им с рук. То девичью дрёму до полудня, то потраву гончего кобеля, приспособ-

собленного к розыску блажных девок далеко за полночь. Поэтому нежились Апся с Русей в пожизненном укладе словно на пуховых перинах, катались в сельском бытие как сыр в масле. И уже к осемнадцати годкам были готовы идти под венец с любым принцем, лишь бы в плисовых портах, вышитой рубахе и при картузе с лаковым козырьком. То есть, как учил батюшка: чтоб и удаль молодецкая, и мошна купецкая!

Так бы всё и шло по накатанному, не случись более года тому назад у Апси с Русей плотский грех. Правда, дело не дошло до брюхатости, но зато со славой на весь приход. Гости́л о ту пору в их хлебосольном доме молодой и смышлённый сынок старого знаконца ещё по японской войне Гаврилы Наумовича Возгреватого. Звали недоросля ласково Потапка и был он по-новомодному грамотный, проведши год на обучении у французского гувернёра с хорошими манерами. Прибыл молодец без особого на то приглашения, хорошился с дворовым бабьём, считай всё лето, а выпроводили под белы руки и со скандалом уже чуть ли не на Воздвижение. Но поначалу выказал себя таким проворным да услужливым, что и выгнать взащей было не за что. Уж на что Ольгерда Брониславовна на руку скорая, но и та гостя терпела, благо он ей глаза не мозолил. Да и сам-то Потапка всё больше пропадал на рыбалке или на дальних выгонах помогал сенным девкам по хозяйству. Так что до время никому и ни с какой стороны урону не было. Так бы и шло это гостевание без последствий, пока конюх Никодим не залучил Потапку

без исподнего и даже порток в обнимку с Апсей и Русей у старой коновязи на прошлогоднем сене. Старый и верный Никодим тогда чуток разумом не повредился, так как и девицы обретались о ту пору не то что без юбочнок, но даже и без ночных станушек домодельной маминой выделки. То есть были голыми как два облупленных яйца и к тому же верхом на выюноше, но с разных сторон. Скакали белотелые голубицы на Потапке словно кони в галоп, а тот валялся покойником, без суставного движения во членах, и даже голоса не подавал из головы, придавленный ядрёными лядвиями одной из сестёр, в то время как другая гнездилась на его тощем брюхе. Никодим сроду о таких посиделках не слыхивал, сраму оного не видывал и сатанинства такого не нюхивал, а потому стрелой полетел к хозяину с известием, едва успев оповестить всю округу о таком чуде. Так что девок снимали с Потапки чуть ли не всей деревней, соболезнуя родителю и вытирая слёзы матери Ольгерде Брониславовне гарусными платами. Да, натерпелись тогда страху за рассудок дорогого гостя и здоровье белотелых кобылиц! Однако, всё обошлось. А когда Потапка стал растолковывать селянам французские обычаи и нравы при ухаживании за предметом страсти, поседевший с правого виска Тарас Опонасович повелел Никодиму всех троих виновников заморского торжества нравов отходить прилюдно недоуздом по мягким местам так, чтобы они и на ровное-то место с неделю садились с оглядкой. Пороли молодёжь весело, с прибаутками и переглядыванием

по-соседски, так как до народа к тому времени дошло понимание всего заморского действия. Вот с той поры и пошёл процесс аж по всем хуторам и мызам. «Пойдём играть в скакалки», – по-простому приглашали дивчины парубков в межсезонье полевых работ. А ежели который отказывал, то его прозывали меринном и в замужество к такому шли неохотно. Поговаривали, что на местного кузнеца саживались и втроём, но то, как приживалась там третья молодуха, хранилось на зависть всей округе в тайне.

После совместных отцовских разборок, Потапку уpekли в солдатчину, а девок в монастырь до полной правки. Но всё это творилось по кровному знакомству и чтобы придержать у народа языки. Так что солдатик вскорости пошёл в гору и дослужился до обер-фейерверкера при штабе фельдъегерской связи, а девки через год с небольшим вернулись под отчий кров полностью очистившимися и непорочными, отмолвив грехи в постных бдениях и щедрой милостынею в церковную кружку.

Но это всё случилось некоторое и уже забытое время тому назад, так что сейчас в семействе Тараса Опонасовича и Ольгерды Брониславовны были тишь да благодать, хоть пой песни на четыре голоса, хоть пляши барыню в три ноги. Поэтому и ехал на ярмарку полным хозяином помещик Пидстуло, безо всяких тяжких дум в голове и с лёгким сердцем. Пообещался домашним разориться только на подарки. Ольгуше оренбургский полужалок от зимних стуж, Апсе же с Русей

полный туес печатных тульских пряников с маковыми крендельками. Уж еслив праздник, то на всех, а не токмо утеха хозяину в питейном заведении да отдохновение буланому коняге у торбы с ямщицким овсом. Так уж повелось, что на сезонное гулянье ездил Тарас Опонасович всегда один. С того ещё праздника повелось, когда увязалась за ним старшенькая Апраксия. Всего-то и постарше Русеяны на часок, но задала трёпку всему уездному полицейскому околотку на сутки. Еле сыскал беглянку Тарас Опонасович на городском посаде в обнимку с местным ухажёром. А если бы мать-Ольгуша куда утекла? Поэтому и не брал с собой длинноволосое племя хозяин, поэтому и гулял один, хоть для себя и выкинул из памяти вольнолюбство дочери.

Народ на осеннем разгулянье колобродил рыбным косяком. Вроде и в одну сторону, но каждый сам по себе. Кому купить, кому продать, кому украсть, ежели своего нет, а иному и вовсе лишнее, где ни попадя спустить на горячую голову. Оставив конягу под надёжным приглядом в ямской, Тарас Опонасович вольно разгуливал по базарной площади, выглядывая знакомцев за-ради душевного разговора в чайной или другой какой попало ресторации. Можно было заглянуть в кафешантан ради срамотных плясок. Таких, чтоб глаз горел и путался в подвязках, когда актриски начинают скидывать свои кружевные юбки выше головы либо со всего маха заламывать их на спину. А для таких номеров требовался надёжный товарищ, чтоб без пустозвона в голове,

чтоб как партизан двенадцатого года. Но на такие постановки надо идти под вечер, перед самым походом в апартамент с одной из балетниц. Можно и не с одной, как в позапрошлый год, когда был урожай на озимые и овёс. А нынче-то пуд отошал ввиду засушливого лета, так что особо мошной не потрясёшь, пыль в глаза либо под юбки без огляда не пустишь. На одну вертихвостку всего и наскребёшь, и то без битья посуды и половых. Дорожает жизнь год от года, а поплакаться некому! И Тарас Опонович вдругорядь за утро заглянул в чайную. Прислужник ловко спроворил полуштоф анисовой с мочёным яблоком. Организм подношение принял с готовностью, так что вскорости сам-друг пан Пидстуло следовал по площади с молодецкой твёрдостью, только пыль под смазным сапогом. Остановился перед навощенным столбом посреди площади, чтобы полюбопытствовать: сумеет ли очередной ухарь добраться до пары сапог, что подвешены к перекладине на самой верхотуре этой народной забавы или скатится наземь, словно куль с мякиной? Сам бы для гимнастики членов полез, да положение и степенный возраст не позволяют. Раньше, бывало, с такого же столба свой зад не раз и не два о мостовую равнял, зато и сапоги прилюдно примеривать тоже приходилось. А порой и по целой вязанке бубликов принародно добывал. Что ни говори, но цепкость в руках-ногах о ту пору была немалая!

– Сударь, – вдруг услышал Тарас вкрадчивый голосок за спиной. – А не тряхнуть ли стариной, любезнейший? Не по-

казать ли удаль молодецкую без посторонней оказии? Или совсем скукожилась былая силушка? Ась?

Солидного по всем меркам человека, коим считал себя Тарас Опонасович, эта сторонняя подначка задела за живое. А так как он был горяч в решениях, то на голос развернулся проворно и уже готовым решением вытряхнуть из порток никчемного собеседника. По молодости-то не одного заставлял сверкать голым задом вдоль калашных рядов. Правда, и в пыточную не раз саживали, но он, однако, всегда откупался, протрезвев с первым рассветным лучом. Так ведь и не князь-воевода либо бледная немочь голубых кровей, чтоб избегать полицейского надзора, а самый что ни на есть житель народного происхождения, хоть и с достатком.

– А чтоб тебя подняло да назад брякнуло! – взревел он оборачиваясь, но ещё не занеся руку для крепкого с маху приветствия. – А чтоб тебя разорвало как лягуху, – хотел было продолжить знакомство, но остановился, всмотревшись в обидчика:– Сват Говрила, – узнал Тарас Опонасович близкого соседа. – Я ведь тебя с утра по кабакам разыскиваю. А ты сам под руку напрашиваешься, – и он бросился троекратно целоваться с другом детства.

А то как же! Ведь перед ним стоял сам Гаврила Наумович Возгреватый, старый товарищ и затейник в игрищах, родный батюшка придумщика Потапки, поротого на конюшне о позапрошлом, считай, годе! А воспоминания об этом конфузе всегда веселили отцов семейств. С одной стороны от смелой

придумки сына, а с другой – от изобретательности дочек. Ведь не всякий человек до таких телесных пределов додумается. Тут и ум, и порода сразу чувствовались!

Долго стояли верные приятели и кумовья посреди площади, не зная с чего начать праздник, но голод не тётка, тем более духовный, а потому вскорости сидели они за отдельным столом в кафешантане и вспоминали прошлогоднюю ярмарку.

– А по какой цене тогда пошли овсы? – вопрошал, к примеру, Гаврила.

– Так до Палашки-то в ту осень очередь и не дошла, – со вздохом отвечивал Тарас.

– А всего-то с месяц и гуляли, – оправдывался один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.